

ФРЭНСИС СТИГМЮЛЛЕР. „ФЛОБЕР и МАДАМ БОВАРИ“. Двойной портрет. Викинг-пресс, Нью-Йорк, 1939, 433 стр. (Francis Steegmuller. „Flaubert and Madame Bovary“. A double portrait. Viking Press, New York, 1939, 433 p.)

Фрэнсис Стигмюллер, молодой американский литератор, еще студентом Колумбийского университета опубликовал несколько работ под псевдонимом Байрона Стила, из которых можно выделить биографию Бэкона. Материалы для книги о Флобере собраны Стигмюллером во время его поездки во Францию.

Портрет Флобера сделан автором в жанре слегка беллетризированной биографии. В основном эта биография построена на переписке Флобера. Огромное количество писем и выдержек из них вмонтировано в самый текст книги, а вторая ее часть, посвященная путешествию Флобера по Востоку, представляет собой сплошной монтаж. Как указывает автор в предисловии, большая часть приводимого им материала (письма, дневники, воспоминания) неизвестна американской публике. Эта книга рассчитана на широкого американского читателя, а не на специалиста-литературоведа; она написана живо, увлекательно и подчас с тонким юмором освещает отдельные моменты частной жизни Флобера.

Стигмюллер ставит своей задачей дать портрет молодого Флобера. Книга заканчивается выходом в свет «Мадам Бовари», так как автор считает, что наиболее важной проблемой творчества Флобера является его освобождение от юношеского романтизма и выработка «реалистической манеры», впервые освоенной Флобером в «Мадам Бовари». С точки зрения Стигмюллера, все последующие произведения Флобера вносят мало нового в его творчество, поскольку в набросках или в первых вариантах они все уже существовали в юношеский период. Стигмюллер лишь упоминает о них в послесловии, рассматривая их только как осуществление ранних замыслов.

Согласно этой идее, работа Стигмюллера разбита на три части: «Искушение св. Антония» — период раннего романтизма; «Очищение» — путешествие по Востоку, и «Мадам Бовари» — процесс создания романа и освоение реалистической манеры.

Книга Стигмюллера привлекает своим живым изложением, тщательным подбором деталей из биографии молодого Флобера. Автор с большой симпатией изображает, как складывался облик художника-затворника, посвятившего себя высокому и бескорыстному служению искус-

ву. Порой с тонким юмором рисует Стигмюллер взаимоотношения Флобера с друзьями, матерью, Луизой Колэ. Вообще там, где дело касается узко-биографической стороны, в работе Стигмюллера есть несомненные удачи.

Так, неплохо изображены своеобразные отношения Флобера и Луизы Колэ, этой «голубоглазой богини романтиков», которая, как гласит злая эпитафия Максима дю Кана, «скомпрометировала Виктора Кузена, сделала смешным Альфреда Мюссе, оклеветала Флобера и покушалась на Альфонса Карра». Стигмюллер показал Луизу Колэ обыкновенной женщиной, буржуазкой, которая советовала Флоберу продолжить «Кандида» и предпочитала подлинникам Тициана и Рафаэля — копировавшие их «живые картины». В письмах этой женщины Флобер мог найти весь комплекс представлений из своего «Лексикона прописных истин». С большим юмором изображает Стигмюллер и Флобера — человека, который был художником прежде всего и в чьей жизни чувства начинали существовать главным образом тогда, когда он мог писать о них. Столкновение этих двух характеров — Флобера и Луизы Колэ — тонко показано в биографии Стигмюллера.

Другая удача книги — портреты друзей Флобера: Луи Булье, Максима дю Кана и Альфреда де Шуатвен, разочарованного молодого романтика, облик которого многое раскрывает и в характере юного Флобера.

Но все это не может искупить основного недостатка работы. Стигмюллер взял своей темой труднейшую эстетическую проблему — формирование флюберовского реализма. Разрешить же ее он пытается в узко-биографическом плане, уклоняясь от сколько-нибудь серьезного анализа творчества Флобера и от анализа эпохи, породившей особенности его реализма. В книге Стигмюллера почти не показан тот буржуа, то «царство глупости», та цивилизация, в ненависти к которой формировался Флобер. Нет даже попытки выяснить, чем флюберовская концепция буржуа отличалась от представлений классического реализма, как и от позднего романтического поколения, с которым связана юность Флобера. Весь комплекс эстетических проблем, связанных с особым положением Флобера, художника

50—60 годов, даже не встает перед Стигмюллером; то, что для Флобера не только полностью скомпрометировано все буржуазное, «практическое», порваны все связи с обществом, но опорочена и романтическая «мечта», — не показано. Поэтому и подлинный трагизм фигуры Флобера, его «победа» и «поражение» остаются не раскрытыми, даже не затронутыми.

Узкий, камерный биографизм сказывается на всей книге, даже на манере использовать документы, в частности — флоберовские письма. Стигмюллер приводит их не полностью, но в произвольно взятых выдержках, часто связывая воедино отрывки из разных писем. Поэтому многие фразы, имеющие резко выраженный социальный смысл, получают иное, узколичное и тем самым извращенное освещение. Так, например, известная, много раз цитированная фраза «Будем же любить друг друга в Искусстве, как мистики любят друг друга в боге» вырвана из контекста, говорящего о состоянии общества и объясняющего смысл появления эстетического мистицизма, — поэтому она приобретает чисто личный смысл, звучит как обращение к Луизе Колэ. Из писем Флобера в период его путешествия по Востоку приводятся большие выдержки описательного характера, но пропущены отрывки, как раз наиболее значительные по своим оценкам общества и эпохи.

Узкий биографизм отразился и в том, что сильно смягчена характеристика Максима дю Кана и невероятно преувеличена роль Луи Булье в создании «Мадам Бовари». Но — и это самое существенное — формирование флоберовского реализма лишается его общественного, исто-

рического содержания. Если верить Стигмюллеру — дело обстояло так: во время путешествия по Востоку Флобер «очистился» от романтических безумств юности, утолив свою страсть к красочному и экзотическому. Тогда уже прошла мода на романтизм. Во время знаменитого чтения первого варианта «Искушения св. Антония» Максим дю Кан и Луи Булье сказали Флоберу: «Долой Ренэ!»¹ и убедили его, что пришла пора писать в новой манере. Луи Булье дал Флоберу сюжет «Мадам Бовари» (история молодого Деламара и его жены), и так начался флоберовский реализм. Вся третья глава книги Стигмюллера, посвященная процессу создания «Мадам Бовари», построена только на высказываниях самого Флобера и касается, главным образом, его поистине каторжной работы над словом. Даже известное выражение Флобера — «Эмма — это я» — трактуется чисто биографически; говорится о женственности Флобера и о том, какие именно черты Луизы Колэ вошли в образ Эммы, но остается совершенно неясным, почему же этот роман стал шедевром Флобера и одной из вершин европейского романа.

Книга Стигмюллера в известной мере играет полезную роль тем, что широко использует переписку Флобера и пропагандирует ее. Однако читателю, который может познакомиться с письмами Флобера в подлиннике или в переводе, работа Стигмюллера дает лишь несколько биографических деталей о молодом Флобере.

«Двойной портрет» Флобера и мадам Бовари остается заманчивой задачей, заслуживающей внимания советской критики.

Е. Г а л ь п е р и н а

БОБ БРАУН. „МОЖЕМ ЛИ МЫ СОВМЕСТНО ТРУДИТЬСЯ“. Ровинг Эй пресс, Нью-Йорк, 1940, 232 стр. (Bob Brown. „Can We Coopetate“. Roving Eye Press, New York, 1940, 232 p.)

Это было в 1914 году. 65 безработных — фермеры, рабочие, переселившиеся в Западную Луизиану (на юге США), — образовали на кооперативных началах «колонию Льяно». Они сложили свои жалкие пожитки и небольшие сбережения «в общий котел», надеясь таким образом противостоять законам капиталистического общества. Каковы же итоги существования этой колонии, ухитрившейся продержаться немалый срок — около 25 лет?

Об этом рассказывает в своей книге старый участник американского рабочего движения, Боб Браун, который сам провёл некоторое время в Льяно. Его книга представляет живо и местами не без литературного мастерства написанный репортаж о быте «колонии Льяно» и ее обитателей. Колонисты разводили табак, имели свои огороды, сапожные мастерские и даже снабжали всю округу... гро-

бами собственного производства. Материальное положение колонии не переставало быть неустойчивым, и очень часто единственной пищей ее членов был картофель. Состав колонии был весьма пестрым: так, почти одновременно с «красными похоронами» одного из колонистов в Льяно происходило молитвенное собрание, на котором выступал заезжий проповедник. Наряду с трудолюбивыми, энергичными людьми в Льяно были и «усталые радикалы», которые искали в ней временного убежища от борьбы; не найдя там грезившихся им «безмятежных условий существования», они поспешно покидали колонию и умножали ряды ее хулителей. Все же в колонии преобладал неплохой человеческий материал. Многие из «кооператоров» искренне стремились к честному

¹ Имеется в виду Шатобриан.